ВЕЛИКАЯ ДНЕПРОВСКАЯ ПЕРЕПРАВА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
1944

Смерть немецким оккупантам!

ВЕЛИКАЯ ДНЕПРОВСКАЯ ПЕРЕПРАВА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
МОСКВА — 1944

Брошюра составлена по материалам военных корреспондентов центральной и фронтовой печати

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор Герасимов Е. Н.
Технический редактор Шевченко Г. Н.
Корректор Милицина Д. М.

Г531639. Подписано к печати 13.I.1944 г. Объем $1^1/_2$ п. л.
1,9 уч.-авт. л. В 1 п. л. 44600 тип. зн. Изд. № 97 Зак. 1147

1-я типография Управления Воениздата НКО
имени С. К. Тимошенко

1. ЛЕВЫЙ БЕРЕГ

Ночью, преследуя противника, войска вышли к берегу Днепра. Еще издали, проходя сосновым лесом и песчаными буграми, на которых рос гибкий кустарник, называемый на Украине верболозом, бойцы почувствовали дыхание великой реки, как чувствуют в темноте дыхание близкого человека.

Низко шли облака. Тишина беззвёздной ночи нарушалась только позвякиванием оружия, стуком котелков и лопаток, шуршанием тяжёлых сапог на песке да сдержанным говором бойцов.

Многие из людей, шагавших здесь в темноте, родились на берегах Днепра. Одни из них только что прошли через свои разрушенные сёла, видели родные хаты в дыму и огне, останавливались у колодцев, набитых человеческими телами, миновали истоптанные и выжженные поля. У других родной дом был ещё впереди, за Днепром. Картина пройденного пути неотступно была у них перед глазами и толкала вперёд. Они шли в торжественном и суровом молчании, как подобает солдатам, которые знают, что лучший разговор с врагом — на языке ору-

жия. Для тех же, кто не был уроженцем здешних мест, торжественность минуты заключалась в том, что после тяжких военных трудов, пройдя с боями больше пятисот километров, они вышли к рубежу, достичь которого было счастьем их товарищей, а значит и их счастьем.

Старые бойцы, стоявшие на Днепре ещё в сорок первом году, тоже молчали. Они многое вспоминали в эту ночь. Было то, что часто случается в жизни. Идёшь к любимому человеку издалека, всей исстрадавшейся душой стремишься к нему и бесконечно думаешь о встрече, о словах, ласковых и нежных, которые хочешь сказать. Но вот ты пришел, и радость встречи так велика, что никакие слова не в силах выразить то, что ты пережил и передумал в разлуке, и ты стоишь молча, и только глаза твои говорят за тебя: посмотри на меня, я долго шёл к тебе, и вот я пришёл.

Люди сошли к воде, стали умываться. Многие опускались на колени и пили днепровскую воду. Они делали это не потому, что им хотелось освежиться после трудного перехода, а потому, что и умывание и питье днепровской воды приобрело для них особое, торжественное, священное значение.

•

В густом сосновом бору разместился командный пункт соединения. Над Днепром стояло пламя пожара. Горело большое приднепровское

село. И от этого пламени ночь в лесу казалась еще темней, непрогляднeй. Генерал сидел, задумавшись, над картой. Широкую голубую ленту Днепра в трёх местах пересекали прямые линии красного карандаша. Это были намечены переправы. Здесь предстояло перейти рубеж, равного которому еще не было на пути этого соединения.

— Завтра, — сказал генерал, — мы будем за Днепром.

В холодной землянке не спится. Со стен с мягким шуршанием осыпается песок. У входа в землянку бодрствует часовой.

Не спят усталые полки. Бойцы вяжут плоты.

— Тяжело нам будет с пушками, — говорит полковник Дёмин. — Солдат ухватился за бревно и плывёт. А вот пушке подавай паром или в крайнем случае большую лодку.

Но ждать понтонов никто не хотел.

— У Суворова не было понтонов, а ведь переправлялся же и, говорят, неплохо. Тут всё дело в суворовской быстроте. Перейдём на тот берег хоть вплавь, а там попробуй — столкни нас обратно! Замешкаешься на этом берегу, и понтоны не помогут. Нас еще Сейм научил...

Немецкие войска отходили к Днепру, стекаясь к немногочисленным днепровским мостам. В местах переправы фронт немецкого отступления принимал форму воронки: поток немецких дивизий в районе мостов, узкое горлышко переправы. Из этого горлышка немцам предстояло

вновь растекаться на правом берегу, занимать оборону. Самый счастливый момент для наших штурмующих рот! Надо перебросить первых бойцов через Днепр, пока воронки немецкой переправы ещё бурлят отступлением, пока поток немецких дивизий ещё не полностью разлился по сторонам и не застыл плотным фронтом на том берегу.

2. НА ЛОДКАХ И ПЛОТАХ

В батальоне капитана Саввы, в роте старшего лейтенанта Лещенко вызывались охотники. Одной только смелости мало, нужны хватка, цепкий хозяйственный ум, умелые, хитрые руки. Бойцы искали лодок, и не было ни одной лодки, немцы сожгли их. Две посудины бойцы притащили волоком. Две другие, дырявые, рассохшиеся, обнаружили где-то в сарае. К Днепру спешили мощные инженерные части, но первым бойцам не было времени ждать. Лодки они отыскали, но вёсел не оказалось — и вёсла сделали сами. Можно плыть! Переправа назначена на три часа ночи.

— Погоди, — говорит кто-то, видно, человек прочной и основательной мысли, — погоди, не всё ещё. Вёдра ищите.

Вот что порою годится для боя — обыкновенные вёдра. Лодки были худые — сквозили щелями. Вёдра понадобились, чтобы вычерпывать воду. А немцы били с того берега миномётами

и артиллерией, в грохоте канонады бойцы искали на пепелищах вёдра. Вёдра нашлись, и началась переправа, одна из многих в ту ночь.

Первые наши люди вышли на воду, оттолкнулись веслом и скрылись во мгле. Так мало их было на этом участке, намеренно мало в первоначальном этом броске через Днепр, что четырёх утлых лодчонок хватило на них. На первой посудине сидел и грёб вместе с бойцами старший сержант Нефедов, и ещё был на той лодке станковый пулемёт. На второй лодочке командовал сержант Новосильцев, с ним плыли несколько стрелков и ручной пулемётчик. На последних двух посудинах разместились остальные охотники.

Лодочки сразу глотнули воды. Днепр бил в них сильной волной. Вёдра пошли в ход с первых взмахов веслом. Не успели проплыть около сотни метров, как лодки затяжелели, — Днепр потянул их на дно. Волна швыряла лодчонки из стороны в сторону; в темноте не стало видно, где левый берег, где правый; ветер рвал пену клочьями, а избитые бурей бойцы гребли, черпали вёдрами воду, теряли и опять находили курс на тот берег и берегли оружие, чтобы оно не намокало и не отказало потом в самое нужное время. Ветром лодочки растаскивало далеко одну от другой, а нельзя было допустить, чтобы и без того малую группу людей разметало и чтобы потом немцы расправлялись с каждой лодкой в отдельности. И больше всего

ушло сил на то, чтобы держать лодки по возможности вместе. Путь через Днепр отнял у людей старшего сержанта Нефедова полных два часа. У иных руки были в крови, у других спины свело — у тех, что два часа сряду качались с вёдрами, как заведенные, вниз и вверх, вниз и вверх, и притом стоя на коленях, иначе сдуло бы ветром. А немцы били с холмов по воде.

Так бойцы дотянули до правого берега.

Только тут и начиналось настоящее дело, хотя других свалила бы с ног одна только двухчасовая гребля в ночном шквале. Берег был тёмный, чужой, неизвестный. От самой воды он тянулся песчаной отмелью до кустарника. Дальше вздымался крутыми холмами. В кустарнике сидели немцы, но главные их силы были наверху над отмелью, в траншеях и дотах.

И против них вышла на берег горстка наших бойцов. Тут же в песке, в двух шагах от воды, стали они зарываться.

Так было во многих местах на Днепре.

•

Старые днепровские рыбаки, седобородые диды, плакали от радости, вновь увидев красноармейцев на берегу древнего Днипро. Эти диды, знавшие в реке каждый камешек, единогласно подтверждали, что «поганые» (так именуют на Днепре немцев) имеют сильные укрепления там, где места особенно удобны для переправ, где

испокон веку ходили паромы, а здесь, в широком, изобилующем косами и мелями месте, немцы атаки не ждут, и у них на том берегу только батарея да заслоны на острове. Диды, перебивая друг друга, брались сумерками незаметно провести челны с десантом на остров. Они замысловато божились, бросали о землю бараньи шапки и доказывали, что именно тут можно переправиться без потерь.

Командира роты сапёров гвардии капитана Максименко долго уговаривать не пришлось. Он сказал дидам: «добре», и люди его, обмотав тряпками весла, чтобы можно было плыть без шума, подвели челны к берегу, где в них молча сели первые группы автоматчиков.

— С богом! — сказал старый рыбак Степан Трофимович Невинчанный, сидевший на носу первого челна, и перекрестился на тёмный восток.

— Вперёд! — добавил майор Плешаков.

Челны оторвались от берега и исчезли в белом тумане, тянувшемся над широкой водной гладью. Потекли томительные минуты. Где-то на перекатах плескалась щука, по-осеннему грустно плакали кулики, булькала у берега волна, да где-то далеко гремела канонада.

Внизу, у кустов, зашуршал песок, и хрипловатый взволнованный голос доложил:

— Подчалили благополучно. Выгрузились на косе. Окапываются. Давай следующие.

Так в темноте в абсолютном молчании флотилия рыбачьих челнов совершила несколько

рейсов, и на утлых плоскодонных судёнышках, едва поднимающих пять человек, была переброшена через Днепр на остров, занятый врагами, стрелковая часть с четырьмя легкими пушками.

Переправившись, люди ложились на песчаной отмели, маскировались за бурунами, окапывались, и всё это без шума, без огонька папироски, без громко сказанного слова. Когда бойцы скопились на острове, майор отдал две команды: артиллеристам и пулемётчикам — «Огонь!», пехоте — «За мной в атаку, ура!».

Гром выстрелов и разрывов, неожиданно разорвавших речную тишину в самый глухой час ночи, русский воинский клич, вырвавшийся разом из сотен грудей, цепи наших стрелков, внезапно возникшие из седого тумана, ошеломили немецкий гарнизон острова. Немцы бросили свои окопы, блиндажи, бросили пулемёты, запасы патронов и гранат, кухни с варящимся к утру завтраком и побежали к западной части острова. Беспорядочно стреляя в лесную тьму и сбрасывая на ходу сапоги, мундиры, пилотки, они пробежали остров и бросились в воду, чтобы переплыть узкое горло протоки. В то время как наши пулемётчики с берега били вылезавших из воды мокрых немцев, автоматчики бежали за ними вброд. Проскочив низкую часть берега, немцы стали карабкаться по глиняным лесенкам, сделанным в крутом и высоком правом берегу.

Теперь всё решала быстрота. Сидя на глинистых неприступных кручах, несколько пулемёт-

чиков могли без труда отражать штурм целой дивизии. Командир части прекрасно это понимал. Он знал, что как только немцы подбросят сюда подкрепление, нечего будет и думать снова форсировать здесь реку. Это понимали и его бойцы. Несмотря на крайнюю усталость, мокрые, они по пятам немцев вбежали на высокий берег, заняли лестницы и, постепенно накапливаясь наверху, захватили прибрежную часть деревни и прилегающие к ней баштан и кукурузник.

Немцы тоже понимали, как велика для них опасность. Русские за Днепром! Русские прорвали великий водный барьер, которым немцы хотели прикрыться, за которым они думали отсидеться! Немецкая пехота под прикрытием артиллерии контратаковала этот маленький, еще не закреплённый нами кусок земли. Одновременно сильный немецкий десант был высажен в северной части острова. Немецкие десантники перерезали остров.

Но наши сапёры уже провели к острову паром. Затем подоспели понтонёры со своим парком. На воде заколыхались громадные резиновые баркасы, поднимавшие по двадцать человек. Связь с островом становилась все более и более прочной. Через Днепр уже перетянули орудия. Эти силы ударили по вражескому десанту, отбросили его, прижали к Днепру и уничтожили на прибрежном песке целиком.

Немцы били по переправе и по маленькому куску земли, захваченному нами на правобе-

режье. Оба берега великой реки грохотали и вздрагивали от непрерывных разрывов. Снаряды падали в воду, взмётывая вверх фонтаны брызг. Мины перелетали реку и зарывались в прибрежном песке. Но переправа уже работала без перебоя. На резиновых лодках, сцепленных между собой помостом, стоял тяжёлый танк. Громадный трактор трудолюбиво пыхтел на острове, уволакивая в лесок вязнущую в прибрежном песке пушку, а на той стороне, над деревней, в прозрачном осеннем воздухе стояли столбы разрывов и пыли. Гром канонады перекатывался над Днепром.

Борьба шла за маленький клочок земли на правобережье, борьба напряжённая, не на жизнь, а на смерть. И хотя немцы подтягивали сюда новые и новые части, хотя было видно простым глазом, как «тигры» и «фердинанды» бродят по лысым прибрежным высотам, готовясь к атаке, никто из участников этой борьбы не сомневался, что этот маленький и драгоценный кусок земли на правом берегу уже не будет уступлен врагу.

Днепр величаво двигался в своем широком, извилистом русле. И через его воды наши героические полки несли свои знамёна в просторы правобережной Украины.

●

Завернувшись в плащ-палатку, лейтенант Орлянко стоял в темноте на берегу Днепра.

На душе у него было светло, как в праздник, несмотря на то, что вокруг была ночь, слышался унылый, сумрачный плеск реки и однообразный шум ветра, вдруг взметнувшего береговой песок и засвистевшего в кустах верболоза.

Лодки отделились от берега и бесшумно, подталкиваемые баграми и вёслами, поплыли по реке. Вскоре они исчезли из виду, словно растаяли в ночной темноте. Бойцы и офицеры, оставшиеся на берегу ждать своей очереди, лежали на сыром песке и, слушая мерный плеск речной волны, вглядывались в эту темноту, как будто старались угадать, чем она встретит их в следующую минуту. Вскоре лодки вернулись и увезли на правый берег новых людей, которые бережно погрузили с собой пулемёты и ящики с патронами, противотанковые ружья с боеприпасами, гранаты, миномёты и сухой паёк в больших бумажных мешках.

Переправа под боком у противника проходила успешно. Время и место для неё были выбраны очень удачно. Все чувствовали это и радовались удаче, хотя, конечно, каждый знал, что в любую минуту переправа может быть обнаружена, и тогда тишина и торжественность этой ночи превратятся в кромешный ад, темнота озарится вспышками выстрелов и взрывов, а ласковые воды Днепра закипят, как адская смола.

Понимал это и лейтенант Орлянко. Он ходил по берегу, в нетерпении ожидая своей очереди

переправляться. У него всё было наготове: и люди, и кабель на катушках, и всё прочее, необходимое для связи. Оставалось только получить приказ и действовать.

К рассвету над рекой поднялся густой туман. Правый берег не был виден за туманом, да и здесь, на левом берегу, люди двигались словно серые тени. На плотах через реку пошли лёгкие пушки. Орлянко знал, что сейчас его черёд, и чувствовал себя хорошо и уверенно — в тумане он надеялся переправиться без потерь. Но как раз в это время на правом берегу закипела перестрелка.

«Ну, теперь началось!» — подумал Орлянко, шагая по берегу к своим связистам.

Туман завыл и загрохотал, кое-где послышались крики и стоны раненых. Бойцы Орлянко были в сборе, катушки с кабелем лежали на песке, зелёные коробки полевых телефонов стояли тут же. Линия связи уже была протянута к самому берегу, теперь оставалось тянуть ее дальше, сидя в лодке и разматывая кабель катушки. Всё это было бы делом простым и несложным, но грузить кабель в лодки приходилось под огнём немецких батарей, а плыть предстояло по реке, в которую то и дело шлёпались снаряды и мины.

Лейтенант Орлянко приказал грузиться в лодки и, пока его люди хлопотали у катушек и прочего имущества, снова оглядел берег, как бы соображая, что́ ещё следует захватить с собой.

— Готово! — крикнул он, в последний раз оглядывая берег. — Отчаливай!..

Он прыгнул в лодку, старшина Нехорошев оттолкнул её от берега и вскочил вслед за ним. Бойцы налегли на вёсла, и лодки стали медленно выходить на днепровский простор.

Лодку, в которой сидел лейтенант Орлянко, сносило, и бойцы, сидевшие на вёслах, все время забирали против течения. Двигались медленно, кабель раскручивался с катушки и погружался в воду, увлекаемый на дно грузилами. Днепр был здесь широк и приволен, кручи правого берега открывались вдалеке, по-осеннему пышные и яркие. Как ни старались гребцы, а приближались они медленно.

С правого берега, укрытая где-то в складках высот, непрерывно стреляла артиллерия. Снаряды пролетали над лодками, но к их гудению и свисту все относились с привычным спокойствием. Ясно было, что это не прицельный огонь: снаряды падали беспорядочно, однако было легко угодить под случайный «слепой» снаряд. То, что все находившиеся в лодках понимали это, нисколько не влияло на их приподнятое и торжественное настроение.

Но вот над рекой появились немецкие бомбардировщики. Всего их было двенадцать, они летели низко, распластав тяжёлые крылья и ожесточённо гудя моторами. Зенитки с левого берега открыли по ним огонь, но немцы упрямо летели к цели.

Лейтенант Орлянко приказал плыть дальше, но никто и не думал возвращаться. Бойцы попрежнему поднимали и опускали вёсла, попрежнему разматывалась катушка, и Нехорошев ловко цеплял грузила к кабелю, быстро уходившему на дно. Самолёты развернулись над рекой, выстроились в боевой порядок, и послышался вой бомб, оглушительный грохот разрывов, взметнулись огромные столбы воды, лодки сильно качнуло, а людей обдало брызгами воды и толкнуло двинувшейся стеной горячего воздуха. Бомбы упали далеко, никто не был ранен, но это было только начало. Уже новый самолёт нависал над лодками, уже слышался вой новых бомб, и лейтенант Орлянко хорошо понимал, что какая-нибудь бомба может угодить все-таки в лодку, и тогда вся их работа пропадёт и новым людям придётся делать всё сначала.

— Выручай катушки, если что... — успел крикнуть Орлянко и в ту же минуту услышал адский гром. Его захлестнуло водой, перевернуло и потащило на дно, но он, напрягая все силы, толкнул головой воду и вынырнул.

Лодок не было. Людей тоже нехватало. Только четверо, тяжело противоборствуя взбушевавшейся волне, находились недалеко от него. Они плыли парами, держа между собой катушки с кабелем. Кабель разматывался, но грузил уже не было, их снесло течением, и это еще больше затрудняло работу пловцов. Орлянко подплыл к Нехорошеву и Гатуеву во-время — кабель на

катушке окончился. Все теперь понимали друг друга с полуслова. Гатуев, держа конец кабеля в зубах, отдыхал лёжа на спине, Нехорошев поплыл к Дроботу и Василенко, удерживавшим на воде тяжёлую катушку с новым кабелем. Втроем они добрались к Гатуеву и Орлянко. Двигая ногами, держась на воде, лейтенант стал наращивать кабель. Это стоило больших усилий, тем более что с самолётов заметили их и стали обстреливать пулемётным огнем.

Гатуев был ранен в правое плечо, кровь его окрасила днепровскую воду. Товарищи помогали ему, они плыли к правому берегу, поддерживая катушку и раненого, выбиваясь из сил, коченея в холодной воде.

Гатуев вдруг сказал Василенко, молча тащившему его к берегу:

— Сними с меня аппарат, Василенко... Вместе мы не доплывём...

Василенко снял через голову Гатуева лямку полевого телефона и надел её на себя. Гатуев зажмурил глаза и прохрипел сквозь зубы: «Прощай, Кето!».

В это время Орлянко тоже ранило. Он почувствовал тяжесть во всём теле и, прежде чем связисты успели помочь ему, ушёл под воду; он понимал, что тонет, глаза его были открыты, и он видел солнечный свет, падавший на дно реки сквозь зеленовато-жёлтую воду, но не мог сделать движения, не мог сопротивляться силе, тянувшей его на дно.

...Лейтенант Орлянко очнулся на берегу. Он увидел над собой раскрасневшееся усатое лицо Нехорошева, державшего его за руки. Василенко больно нажимал ему на живот. Затем они подхватили его, как ребёнка, перевернули лицом вниз и подняли так, что голова лейтенанта повисла над землёй. Он почувствовал облегчение и вскоре уже лежал на песке, головой к телефонному аппарату, у которого возился ефрейтор Дробот.

Была тишина. Над собой Орлянко видел чистое небо, на кручах свистели птицы, широкая полоса реки лежала перед ним, а у самого его тела, похожий на длинного оливкового ужа, уходил в воду кабель, который они протянули сюда. Лейтенант хотел что-то сказать им, но боялся нарушить молчание. В это время над ним раздался голос ефрейтора Дробота, дувшего в трубку и яростно отплёвывавшего песок, навязший на зубах:

— Гаркуша, та якого ты чорта?! Я забув позивного... Тут такого у нас було, що й ты б забув! Це я, Ахванасий Дробот. Докладай по вышестоящих начальствах, що кабеля перетягли... Бачиш? А де ж ты взяв бинокля? От ловко, матери його ковинька... Ну, то скажы мени, як тебе звать?.. Меркурий? Дав би ты мени закурить, Меркурий, бо у нас сирники роскисли, а курить хочеться, аж вуха пухнуть...

■

Волны великой реки в седом обрамлении прибрежных отмелей катились перед танкистами. Мотострелковый батальон бригады стоял в строю.

— Перед нами Днепр, — сказал командир. — Кто хочет первым переплыть его, привлечь на себя внимание и огонь немцев, чтоб обеспечить переправу батальона?

В строю стояли юноши. Почти все они были комсомольцы, и все, как один, сделали шаг вперёд. Разрешение получили лучшие из лучших — Петухов, Иванов, Сысолятин, Семенов.

Четверо смельчаков начали строить плот. В это время они заметили, что с противоположного берега, несколько левее, отделилась чёрная точка. Скоро стало видно, что кто-то плывёт на лодке и, размахивая руками, подаёт сигналы. Комсомольцы спустились ниже к воде. Лодка подошла к берегу, и они увидели человека с красной ленточкой на шапке. То был партизан из отряда, действовавшего в этом районе.

Он сказал:

— Немцы в деревне на том берегу. Вот там их штаб!

Он объяснил, где лучше можно переправиться, и предложил свою лодку. Комсомольцы сели в лодку и поплыли вместе с партизаном.

Незамеченными добрались до заросшего бурьяном островка. Обогнули его и продолжали путь дальше. Но здесь немцы заметили смельчаков и открыли огонь. Они поздно спохвати-

лись — комсомольцы уже причаливали к берегу. Первым ступил на землю Петухов. За ним соскочили остальные.

— Вперед, друзья комсомольцы! — крикнул Петухов и, бросившись вперед, скрылся в кустах.

Выпрыгнув из лодки, они побежали по воде к берегу, скрылись в кустах, а затем, перебегая с холма на холм, непрерывно ведя огонь, начали продвигаться к деревне.

Комсомольцы заставили немцев занять оборону и завязали с ними перестрелку. Тем временем на помощь героям уже спешил весь мотобатальон. Бойцы плыли на брёвнах, загребая сапёрной лопаткой, на утлых челнах, на воротах от сарая, на плащ-палатках, сшитых и набитых соломой. Артиллеристы добыли где-то дырявый баркас и плыли, загребая воду котелками.

Весть о самоотверженном поступке четырех гвардейцев облетела части, штурмовавшие переправы и сражавшиеся на правом берегу Днепра.

Герои получили следующую телеграмму командования фронта:

«Гвардии рядовым, комсомольцам Николаю Петухову, Ивану Семенову, Василию Сысолятину, Василию Иванову.

Горячо поздравляем вас с замечательным подвигом.

Ваша геройская переправа через Днепр, цепкое закрепление на правом берегу, готовность, не щадя жизни, отстаивать каждый клочок от-

воеванной родной земли и неукротимо двигаться всё дальше вперед — на запад — служит примером для всех воинов.

Так надо выполнять воинский долг, нашу священную присягу Родине!

Нам выпала великая честь — вызволять родную Украину, славный Киев из гитлеровской неволи, сражаться на Днепре — решающем рубеже, где мы должны сломать хребет фашистскому зверю.

Вы действуете, как суворовцы, — смело, ловко, стремительно, и поэтому побеждаете.

Благодарим за честную солдатскую службу. Желаем дальнейших боевых успехов!»

3. ДНЕПРОВСКИЙ СОЛДАТ НИКОЛАЙ СУВОРОВ

В ту первую ночь переправы, во мгле на ветру, в бурных волнах Днепра, на белом песке, который впитывает кровь легко, держались на краю отмели наши взводы. Мягок и рыхл днепровский песок, но люди вцепились в него, и немцы не смогли ни выжечь их огнём, ни вытолкнуть минами и снарядами, ни вдавить в песок бомбами с «Юнкерсов».

В ту ночь было много солдатских военных чудес, солдатского военного счастья. Но ведь счастье само, своей волею, только в сказках приходит. В жизни его ведёт человек. В бою

счастье надо силой тащить, оно упирается, но если вытащил, тогда победа твоя.

Взвод Бердышева переправился на тот берег. У подножья холмов он продержался сутки, хотя огонь был такой, что, казалось, весь высокий берег днепровский рушится на ямы, наспех вырытые бойцами. Взвод Бердышева был вооружён только автоматами и пулемётами, — большего переправить не удалось. Взводу пришлось тяжело, и много часов он тащил своё солдатское счастье из-под носа у смерти, и часто оно вырывалось из натруженных вёслами, чёрных от похода и боя рук пехотинцев. Как они продержались, теперь и сами не помнят.

Был час, самый худой, когда немцы пошли в контратаку. Сколько их было, в темноте не увидел никто, а мерили их число только по огню, сжигавшему берег. И тут во мглу откуда-то справа стал бить миномёт. Мины прилетали и рвались из такой же неведомой темноты, и там, где падали мины, ночь начинала кричать немецкими голосами.

Невидимый, неузнанный в ту ночь миномёт вырвал для взвода его солдатское счастье. Мёртвые немцы остались в песке, а живые ушли. Шестнадцать наших бойцов, и раненые, и невредимые, так и не поняли, откуда и кто бросал мины, чей был одинокий тот миномёт. По звуку полёта и взрывов можно было судить, что бил он уже с правой стороны Днепра, но откуда-то сбоку, где будто никто в эту ночь не высаживался.

Но миномёт бил и бил одиноко из мглы и сшиб с холмов немецкую контратаку, закрыл огнём людей на песке, державших штыком и винтовкой своё солдатское трудное счастье.

Чей же это был миномёт?

Уже дивизии направлялись по наведённым мостам, уже Днепр перестал быть преградой для нашего штурма на этом участке, когда в армейской газете, занявшейся поиском неизвестного миномётчика, наконец напали на его следы.

Следы эти вели туда же, на рыхлый днепровский песок.

В первую ночь переправы на лодках был погружен всего один миномёт. Его придали группе Николая Суворова, такой же немногочисленной, как и группа Бердышева. Бойцы Суворова переправлялись на резиновых лодках, они могли захватить оружие потяжелее, чем винтовки и автоматы, и они захватили миномёт.

Но о днепровском солдате Николае Суворове следует рассказать отдельно.

Худой, длиннолицый, с беспокойным блеском в глазах, Суворов сидел как-то в шалашике, куда загнала его на время простуда, и рассказывал о своём солдатском житье. Было это задолго до переправы. Армии наши продвигались к Днепру. Николай Суворов рассказывал, как удалось ему отбить у немцев село, мало кому известное, но в донесении отмеченное, как трудный орешек, который грызть пришлось долго. Село находится примерно в сотне километров

от днепровской воды. Немецкие части, прикрывавшие свои переправы, держали село зло и упорно.

Суворов командовал на том участке взводом разведки. Явившись к командиру, он заявил:

— Разрешите взять село силою взвода.

Командир взглянул на него удивленно.

— Тут с батальоном трудились, а ты хочешь взводом! Экой ты! Хорошо, выкладывай свои планы, посмотрим.

Суворов сказал коротко, что планов особенных нет, а просто село это ему известно, в нём он родился, там жили, а может, и поныне живут его старики, а пожалуй, и ещё кто-нибудь. Так вот, разве не следует таким случаем воспользоваться для военной удачи? Командир согласился, что следует, дал указания о времени и условных сигналах ракетами и приказал Николаю Суворову предложенный план немедленно же осуществлять.

И Суворов пошёл со своим взводом разведки. Шёл он ночью, памятью высветлял в темноте места, оставленные им ещё восемь лет назад, места милого детства, первой любви, раннего счастья и забытого горя. В темноте он вел бойцов тропами детских игр, где воевал когда-то самодельными ружьями, обогнул людную дорогу, заброшенными разработками торфа вышел к развалинам кирпичного завода и оттуда к селу, но не с фронта, а с тыла, где немец не так насторожен.

В первой хате от края села восемь лет назад проживала знакомая девушка Валя. Командир взвода разведки вспомнил ее не только по военной надобности. Имя помнилось само собой все эти годы. Суворов решил к родителям не итти, не пугать их и не радовать прежде времени, чтобы ночным стариковским волнением они не помешали осуществлению плана. Суворов решил, что подруге будет легче помочь ему, и пошёл в крайнюю хату.

Его узнали, но он сразу сказал, что разговоры будут потом, а сейчас пусть посчитают ему, сколько немцев в селе, где их охрана и какие ведут к траншеям ходы сообщения. Девушка всё поняла и всё сразу сказала.

Взвод разведчиков, расставленный так, чтобы немцам почудился в их тылу целый батальон пехоты, по знаку Суворова открыл огонь сразу из всех винтовок и автоматов. Началась во мгле кутерьма. Немцы кинулись в тыл затыкать дыру своей обороны, а Суворов, все больше навлекая их на себя, кинул в небо ракеты. С той стороны села ракеты видел командир батальона и, как было условлено, повёл наступление с фронта, ворвался с бойцами в траншеи, смял немецкую оборону. И село было взято.

Тогда лишь Суворов пошёл к своим старикам. Он и не рассмотрел их как следует, потому что в хату набилось народу видимо-невидимо, всё село. Какие-то деды, которых Суворов не пом-

нил в лицо, обнимали его, кололи жёсткими бородами, хлопали по плечам и гудели:

— Колька-освободитель, ишь как подрос малой! Ничего, ничего, мужик стал серьёзный.

Освободитель выпил с дедами водки, деды ушли. Оставшись среди своих, Николай Суворов вспомнил, что не видел в избе младшего брата. Где он?

— Скоро придёт, — ответил отец, — прячется.

— Прячется? Где же прячется?

— В ямах второй год прячется. А то бы угнали. Семнадцатый год пошёл ему.

Брат вскоре явился. Суворов не узнал его. Восемь лет назад он был совсем мальчиком, тихим, спокойным, слегка заикался. Молча юноша обнимал старшего брата, а на расспросы не отвечал, будто рот его свело спазмой.

— Что ты? — спросил Суворов.

— Немцы с первого дня запугали, — сказала мать. — Совсем говорить не может.

Юноша улыбался. Улыбка у него была смущённая, виноватая.

И Суворов взял его бойцом в свой собственный взвод. Вместе они воевали до самого Днепра. В боях младший брат отошёл, дар речи вернулся к нему, осталась только лёгкая заминка в словах, знакомое детское заиканье. И вместе два брата вошли в сражение на пороге Днепра, куда тысячи таких же бойцов принесли свои судьбы, отдавая их общему делу победы. Два брата вошли неразлучно в эту днепровскую ночь — ночь пере-

правы. Взвод Николая Суворова переправлялся на резиновых лодках и взял с собой миномёт.

Это вспоминают теперь, когда армейские люди ищут объяснения тайне солдатского счастья там, на песке, где взвод Бердышева был спасён минами, разившими немцев из мрака, неизвестно откуда, из бури, из громады ночного сражения, о котором потомки сложат легенды. Николай Суворов и весь его взвод, и меньшой брат Суворова не вернулись из битвы. Жизнь их отдана днепровской победе. Восстанавливая ход событий в ту ночь, люди штурма узнали, что резиновую лодку разведчиков ветром и волнами отнесло в сторону и, видимо, взвод не пробился к своим, принял бой там, куда принёс его Днепр, и в смертный свой час послал последние мины на звук немецкой контратаки с холмов.

4. ПОНТОНЁРЫ

Вслед за передовыми отрядами пехоты к берегу подошли танки. Генерал, командующий соединением, вызвал к себе командира понтонного батальона капитана Петухова и объявил:

— Сначала дадите десантную переправу — к четырнадцати часам. Ночью, с девятнадцати часов, будете переправлять танки. Справитесь?

— Так точно, справлюсь, — отвечал Петухов.

Танки всё подходили и подходили. Если бы у Петухова было в пять раз больше паромов и понтонов — и тогда всем бы хватило работы.

Десантную переправу Петухов дал не к четырнадцати, а к двенадцати часам. Другой генерал, заместитель командующего соединением, подъехавший к берегу проверить, как выполняется приказание, к удивлению своему увидел, что первые группы десантников — автоматчиков с оружием и боеприпасами уже высаживаются на противоположном берегу, а вслед за ними понтоны везут через Днепр новые отряды. Он видел, как немецкие самолёты носились над рекой, как, сотрясаемые взрывными волнами, подпрыгивали на воде понтоны. На его глазах рослый командир понтона Василий Высоких заделал на ходу несколько пробоин в понтоне и, ловко управляя забортным моторчиком, подвёл понтон к берегу, откуда ему уже махали пилотками мотострелки.

Левый берег спешил на помощь правому. Танки подошли к переправе тогда, когда на берегу ещё не были построены пристани для въезда тяжёлых гусеничных машин с песчаного берега на понтонные паромы. Средств для переправы для всех нехватало. В этом-то и заключалась неприятность для командира понтонного батальона. Как будут грузиться танки без пристаней — эта мысль не давала ему покоя.

Луна еще не взошла над Днепром, когда генерал снова подъехал к берегу. Он увидел адъютанта батальона капитана Шадрина. Часы показывали 18.30. Генерал сурово спросил Шадрина:

— У вас ещё не готово? Ведь я приказал начать переправу к девятнадцати часам. А танки стоят! И парома нет! Где паром?

— В моём распоряжении ещё 15 минут, товарищ генерал, — отвечал Шадрин. — Переправу дадим во-время.

Действительно, скоро к берегу подошёл пятидесятитонный паром. Танк Т-34 с ходу, немного накренив борт парома, вполз гусеницами на прочный настил и надежно уместился на пароме. Катер натянул буксир и тихо повёл паром вниз по течению. Переправа танков началась. Генерал привлёк к себе капитана Шадрина и крепко поцеловал его.

— Я был уверен, что понтонёры не подведут! — сказал генерал, наблюдая, как вслед за первым паромом к берегу был подан второй.

Генерал не ушёл с берега до тех пор, пока все его танки не были переправлены на ту сторону.

Утром серый туман окутывал реку. В нескольких метрах нельзя было разглядеть, что делается вокруг.

Когда туман над рекой рассеялся, в воздухе появились вражеские самолёты.

■

Василий Высоких тревожно поглядывал вверх. Всё небо над широким днепровским плёсом гудело, раскалывалось, рвалось от рёва немецких моторов, пронзительного свиста бомб, задыхаю-

щихся очередей пулемётов. Понтон уже подходил к правому берегу, и пехотинцы встали с патронных ящиков.

Командир понтона младший сержант Высоких смерил глазом расстояние до берега. Причаливать было некуда. Первым стрелкам, переправившимся на самодельном плотике, было не до постройки пристани... Высоких приказал заглушить забортный моторчик. Шест, опущенный в реку, показал глубину в один метр. Стрелки поняли понтонёра без слов. Один за другим они соскакивали в воду и выбирались на берег.

— Бегите! — коротко сказал младший сержант. — Ящики перетащим сами.

Разрыв бомбы заглушил его слова. Понтонёры бросились на настил. А через минуту они уже выстроились в воде вдоль причального каната. Тяжёлые ящики с боеприпасами быстро переходили из рук в руки. Высоких подавал их с борта.

Первая тройка «Мессеров» свалилась на бойцов из облаков. Вздыбилась вода, взметнулся стеной песок...

— Все, кроме Мезинцева и Антропова, в укрытие! — крикнул командир.

Понтон содрогнулся и резко дёрнул причал. Оба борта были продырявлены в нескольких местах. «Мессершмитты» с рёвом проносились над понтоном и в упор расстреливали его.

— Колышки! — скомандовал Высоких.

Мезинцев прыгнул в воду. Холодный озноб

пронзил тело. Понтонёр забивал короткие деревянные палочки в отверстия, изрешетившие железо. Теперь на понтон пикировал «Юнкерс». Все три бойца очнулись на берегу — взрывная волна швырнула их на песок. Мезинцев потрогал ногу. Через рассеченный сапог струилась кровь. Что-то тяжелое прошумело над головами и врезалось в берег.

— Якорь?! — испуганно вскочил Антропов.

Перебитый причал качался на воде, а освобождённый понтон тихо плыл по реке. Днепровское течение уносило его вниз. Понтонёры бежали вдоль берега, пытаясь изловчиться и поймать конец тяжёлого каната. Но его всё больше относило в сторону.

— Куда ты? — закричал Высоких.

Но Мезинцев, волоча окровавленную ногу, уже бросился в реку. Резкий ветер и крупная набегавшая волна валили его с ног. Боец не умел плавать, и вода заливала ему рот. Антропов и Высоких проплыли мимо него, показывая жестами, чтобы тот вернулся на землю.

Первым схватился за скользкий канат Антропов. Понтон увлекал его за собой. Изодранные в кровь ладони слабели. Потом боец почувствовал, что канат уже не так скользит в руках.

Мезинцев, часто дыша, лежал на мокром песке. Он видел, как подтягиваются на руках его друзья, силясь перевалиться через борт, но все срываются в воду. Потом Мезинцев увидел, что еще чьи-то руки рассекают воду. Это плыл на по-

мощь Перминов. Теперь уже четыре тела барахтались в воде возле плывущего понтона. Десять минут показались Мезинцеву вечностью. Он вздрагивал, невольно закрывал глаза каждый раз, когда очередной «Мессер» шёл в атаку на израненный понтон. Вскоре вся четвёрка уже была на прочном настиле понтона. Действуя вёслами и шестом, друзья гнали свое судёнышко к правому берегу. Мягко ткнулось оно в песок. Но в ту же минуту, словно выждав удобный момент, над понтоном раскрыл свои люки немецкий бомбардировщик.

Когда осела песчаная жёлтая стена от взрывов, весь расчёт увидел четыре пробоины в борту. Они были выше ватерлинии — единственное утешение!

Моторист бросился к своему месту. Тихий басок мотора пропадал в грохоте бомб, рвавшихся кругом.

— Пробьёмся, — тихо сказал Высоких, но все услышали его.

Понтон оттолкнулся от берега и повернул налево. Самолёты не отставали от него. Над головами визжали осколки, сильные толчки воды сотрясали всё тело понтона. Теперь он был уже на середине реки, и весь расчёт видел пехотный десант, готовый к посадке. Правый берег ждал помощи с левого берега.

— Больше оборотов! — командовал младший сержант, хотя уже больше ничего нельзя было взять от мотора.

Моторист не успел отозваться. Понтон развернуло от взрыва огромной силы. Все полетели на дно. Это была полутонка. В правом борту зияла дыра размером в человеческую голову. Вода уверенно хлынула в пробоину. А бойцы с берега все махали пилотками и кричали: «Скорей, скорей!..»

Думать было некогда. Антропов одним махом сорвал с себя гимнастёрку и рубаху. Скрутив из них жгут, он прыгнул за борт. Держась одной рукой за понтон, красноармеец другой рукой заткнул дыру. Он плыл рядом до самого берега, придерживая плечом свой самодельный пластырь.

Через несколько минут расчёт выстроился на настиле. Его командир, спокойный, медлительный сибиряк, Василий Высоких докладывал:

— Задание командования в первом рейсе через Днепр выполнено.

5. ПРОРЫВ

Когда свежим ранним утром, окутанным розоватым холодным туманом, уже таявшим в лучах солнца, грянула вдруг тысячеголосым грохотом наша артиллерия и звук этот, как гром горного обвала, раскатился по реке, отчётливо вспомнился поэтический гоголевский образ: «Когда же пойдут горами по небу синие тучи, чёрный лес шатается до корня, дубы трещат и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир — страшен тогда Днепр!»

Страшен был Днепр, когда наши артиллеристы начали мощное огневое наступление.

Тысячи орудий самых разнообразных калибров — от легкой пушечки, которую пехотинцы, наступая, тянут обычно в своих боевых порядках, до могучих гаубиц, передвигаемых особой мощности тягачами, — сливали свои голоса в один мощный грохот, от которого зеркальная гладь Днепра покрывалась мелкой рябью.

Снаряды, вырываясь одновременно из орудийных жерл, обрушивались за холмы, где немцы все эти дни сосредоточивали крупные силы и создавали широкий оборонительный пояс. Целый лес разрывов мгновенно вырос над холмами, чистое утреннее небо над Днепром померкло и заволоклось дымом, в котором, как молнии, сверкали вспышки шрапнельных разрывов.

Этим артиллерийским наступлением наши войска начали прорыв мощного укрепленного района, созданного немцами на днепровском правобережье.

С Днепром, с этим великим водным барьером, немцы связывали все свои надежды в обороне правобережной Украины.

— Наши офицеры говорили нам, а мы передавали солдатам, что Днепр — это линия обороны твоего собственного дома, — умри, но не пропусти русских через Днепр. Да ведь и без этого каждый из нас понимал, что за Днепром степь и ничто уже не удержит вашу лавину, — рассказывает пленный фельдфебель Курт Кунц.

Обер-ефрейтор Отто Зиммель записывает в своем подробном дневнике в конце сентября: «Мы перешли Днепр. За рекой остался позор отступления. Тут мы смоем его делами, достойными настоящих мужчин. Нам прочли приказ главной квартиры фюрера, запрещающий дальнейшее отступление».

Итак, немецким войскам был дан приказ держать правый берег Днепра любой ценой. Понимая огромное значение Днепра как могучего, почти неприступного водного рубежа, немецкое командование хотело во что бы то ни стало задержаться на нём.

Гром перекатывался по реке больше двух часов. Действия развёртывались на малых пространствах, и с прибрежных высот можно было отчётливо видеть, как наша артиллерия буквально пашет своими снарядами оборонительные полосы немцев и места скопления пехоты и танков. К концу третьего часа мелкие калибры смолкли, артиллеристы стали готовить их к атаке, а крупные орудия большой мощности стали постепенно отодвигать свой огонь в глубь немецкой обороны. Прикрываясь этой грохочущей стеной огня, пошла в атаку наша пехота, батальон за батальоном, полк за полком. Всё, что скопилось за эти дни за Днепром, двинулось на врага.

Передовые батальоны уже захватили первые укреплённые вражеские высоты, когда смолк гром артиллерийской подготовки. Но артиллеристы

передали огневую эстафету летчикам. И ещё не успели осесть пыль и растаять дым артиллерийских разрывов, как эскадрильи бомбардировщиков повисли в ясном небе. По Днепру вновь стало перекатываться глухое, грозное урчание бомбовых очередей. Лётчики бомбили со знанием дела, не торопясь, с небольших высот, так как немцы ещё были оглушены артиллерийским шквалом и не смогли выставить огневой завесы.

А потом, когда пехота закрепила образовавшиеся проломы в первых линиях немецкой обороны, в бой пошли танки и их воздушные собратья «Ильюшин-2», которые, скользя в воздухе над самой землёй, дезорганизовывали силы противника, готовившиеся к контратаке, и разгоняли и уничтожали спешившие по дорогам подкрепления.

•

Энская танковая часть, совершившая многокилометровый марш, к сумеркам подошла к Днепру, когда на том берегу наша пехотная часть захватила и удерживала только маленький клочок земли и по реке ходили только понтонные плоты, обстреливаемые немцами с прибрежных высот не только из пушек, но и из винтовок и пулемётов. Под покровом осеннего тумана, стлавшегося над рекой, тяжёлые боевые машины тихо грузились на плоты, на которые бойцы предварительно клали толстый слой ка-

мыша, чтобы враг на том берегу не слышал лязга гусениц. В ночном мраке плоты тихо пересекали реку, освещённую вспышками далёких и близких выстрелов и разрывов. Пули свистели над головами, плющились о броню танка. Изредка, охая, садился раненый. Его бинтовали. Стиснув зубы, он молчал, чтобы не нарушать тишины. Паромы бесшумно причаливали к лесистому острову. Танкисты на малом газу сводили машины на прибрежный песок, а пехота на обоих берегах в эти моменты усиливала стрельбу, чтобы замаскировать переправу стальных махин.

Так за ночь в полнейшей тишине переправилась через реку под носом у немцев целая танковая часть. И немцы, охватывавшие кольцом предмостное укрепление, заметили её только тогда, когда по красной ракете танки ринулись вперёд, подминая кусты, ломая молодые деревья, через песчаный пляж острова, вброд через узкую и неглубокую протоку на правый берег. И тут же им нашлась работа. Еще с вечера разведка сообщила, что за высотами в пологих лощинах скопилось до 400 машин с немецкой пехотой, артиллерия и танки, готовившиеся утром ударить по нашим частям и сбросить их в реку. Танки, точно по волшебству возникшие перед немцами из утреннего тумана во всем могуществе своего оружия, ошеломили противника. Немецкая артиллерия, готовившаяся к наступлению, едва успела дать несколько зал-

пов, когда танки ворвались в лощину, огнём и гусеницами уничтожая сгрудившиеся здесь силы. Сопровождавшие танковый удар артиллеристы и гвардейцы-миномётчики, накрывшие своими залпами немцев, когда те побежали из лощины, довершили дело.

Немецкий капитан Георг Гофман, взятый в плен, заявил:

— Ваши танкисты сделали чудо, они возникли перед нами, как ду́хи. И хотя у нас были люди, были хорошие позиции, было много, даже слишком много оружия, которое сейчас захвачено вами, мы всё же не могли удержаться именно из-за этой вашей проклятой внезапности. Мне, старому офицеру, стыдно об этом говорить, но нельзя не признаться, что тут вы нас здорово провели и разбили по всем правилам.

6. МОСТ

Когда военный инженер Алексей Васильевич Топальский, недавно прибывший на фронт из запаса, впервые появился в инженерном управлении фронта, никто не обратил на него внимания. Инженер, как инженер, а на что он способен, будет видно дальше.

Проектировщик и строитель ленинградских городских мостов, Топальский раньше не служил в армии и не имел за плечами боевого опыта. Его приезд на фронт совпал с форсированием Днепра. Поздно ночью Топальского вызвали в

штаб и приказали готовиться к отъезду на строительство моста через Днепр.

Сверкая на солнце, Днепр как бы радовался приходу дорогих гостей, своих исконных, старых хозяев. По реке сновали катеры. На их буксире от берега к берегу плыли паромы, нагруженные машинами и войсками. Топальский доложил о своём прибытии генералу. Генерал ласково встретил инженера и сказал, показывая рукой на паромную переправу:

— Вот видите, как вы здесь нужны. Время дорого. Нам надо переправлять не единицы, а сотни и тысячи машин.

И сразу, перейдя к делу, генерал сказал:

— Вы будете строить, а мы вам помогать. Все, что понадобится, мы сюда доставим.

Генерал посадил инженера в свою машину и повёз его в лес. Топальский глазам своим не поверил. Перед ним был хорошо организованный лесозавод.

На следующий день генерал утвердил сделанный за ночь проект и все расчёты к нему. Он только внёс поправку — уменьшить пролёты между сваями и участить сваи, чтобы мост был в состоянии выдержать самые тяжёлые грузы.

Решено было той же ночью приступить к забивке свай. Но прежде всего надо было установить ось моста. Топальский решил обозначить ось вешками. Но кто спустится в холодную, почти ледяную воду, чтобы установить первые вешки? Топальский оглядывает своих помощни-

ков, молодых офицеров. Его взгляд останавливается на гвардейце, старшем лейтенанте Михайлове. Михайлов раздевается, лезет в воду и по указанию Топальского закрепляет первые три точки моста.

— Начать забивку свай! — командует Топальский.

С этого момента начинается титаническая борьба строителей моста со стихией. Они не спят по трое суток подряд. По пояс в ледяной воде, подобравшись на самодельных плотах к месту, где должна быть забита свая, сапёры и понтонёры укрепляются здесь и забивают сваи ручными бабами. Топальский решил развернуть широкий фронт работ и на плоту. На связанных пустых немецких бочках из-под бензина группа сапёров выплыла на середину Днепра. Они пытались вбить здесь первую сваю, но на большой глубине могучее течение реки одолевало людей. Днепр ярился, пенился, валил сваю и людей. Люди опускались на дно, держали там конец сваи, их товарищи били по ней сверху. Но Днепр был сильнее. Люди, вытащенные на плот, жадно глотали воздух, снова опускались в воду и снова возвращались без результата. После четырёх часов напрасных усилий они изнемогли, и их сменили другие. Только на восьмом часу одинокая свая забелела на середине Днепра. А свай нужно было забить тысячи. Но опыт учли, закрепились на воде, и вскоре пять строительных участ-

ков начали движение навстречу друг другу, развёртывая фронт работ.

Никогда ещё не строился на Днепре мост такого протяжения, с такой грузоподъёмностью. Как кильватерная колонна небольших кораблей, протянулись от берега к берегу строительные участки. Стали прибывать механизмы, резко поднялся график строительства.

Немцы сначала не заметили, чтó здесь происходит. Потом налетели два «Юнкерса» и разбили две сваи. Через некоторое время артиллерийским огнём было выбито 16 свай. Подбитые сваи считали и доносили о них в штаб соединения, как доносят в бою о подбитых танках. И, как в бою, на место подбитых немедленно же ставили новые. Вскоре над водой резко обозначилась белая, чёткая линия моста. Враг словно ждал этого момента и бросил сюда десятки пикирующих бомбардировщиков. Погиб героической смертью, организуя спасение унесённых волной раненых, сапёр, дважды орденоносец Михайлов; разрушены устои наведенного моста.

Немедленно собрали людей и, расставив силы, возобновили работу. Тогда стала бить немецкая тяжёлая артиллерия. Люди ждали, что скажет им командир.

— Враг хочет помешать нам строить и хочет обречь на истощение наши войска, сражающиеся за плацдарм, — говорил генерал. — А мы построим мост, и построим быстрей, чем сами планировали. Надо минимум времени работать на

реке, а все работы, до мелочей, готовить в лесу на берегу, готовить ещё лучше, потому что строить будем ночью, без света.

...Ночь. Дождь. Темь над Днепром. Гуляет и шумит в долине ветер осенний, катит волны, заливает людей. Тяжёлые бревна, сырые и скользкие, рвутся из рук, а работа на мосту кипит, ибо сапёры и плотники дали слово — ночью выполнять дневную норму, а днём работать в лесу. Люди не спали сутками, дремали час-два и снова принимались работать. Разгорелось благородное соревнование между сапёрами и плотниками.

Немца обманули. Его самолёты, летая над Днепром, не видели на мосту ни одной души. И за две ночи, усилив темп работ, строители восстановили разрушенное.

Люди ожесточились в борьбе за мост. Обагрённый кровью строителей, он стал им дороже жизни. Ещё и ещё повысились нормы выработки. Тысячи раз над тысячами свай поднимались на руках тяжёлые «бабы», и миллионы глухих ударов вторили орудийной стрельбе над Днепром. Рядом строились другие мосты.

7. ПРАВЫЙ БЕРЕГ

Его откапывали сорок минут. Никто и не думал, что он останется жив. Когда улетели немецкие самолёты (их было тридцать шесть), сержант Милованов быстро поднялся и бросился к окопу Миклея, своего закадычного приятеля.

— Федя, Федюша! — что есть силы закричал он, оглядываясь по сторонам.

Ответа не последовало.

Окоп Миклея был известен всему полку. Его называли «пещерой Миклея». Смышлёный и ловкий пулемётчик Федор Миклей выбрал этот окоп в то памятное хмурое утро, когда он вместе с отрядом десантников переправился сюда с левого берега. Правда, ему пришлось выдержать, как он шутил после, «бой за право на вселение в новую квартиру». Для многих осталось тайной, как мог вскарабкаться по круче молодой пулемётчик, незаметно подползти к немецким траншеям, наделать там паники и завладеть чудесным окопом, откуда открывался вид на все замысловатые укрепления противника. Когда поднимались на кручу его друзья, он их встречал с озорной улыбкой:

— Моя пещера нравится очень немцам. Смотрите, сколько они мин сюда швыряют. Но вы заглядывайте ко мне. Не правда ли, укромный уголок?

— А чем угощать будешь? — спросил его Милованов, опуская на землю тяжёлый ящик с патронами.

— Арбузами. Тут их целая гора. Немцы натаскали.

И вот теперь Милованов стоял у разрушенной «пещеры». Встревоженный за судьбу друга, он, казалось, не замечал воющих мин, которые рвались по сторонам. Он видел землю, разворо-

ченную бомбой, и не верил, что с Миклеем может произойти что-то страшное. Есть люди на войне, в смерть которых не веришь. Таким был для Милованова его друг. Он выругал веснущатого сапёра Дементьева, который, взглянув на завал, заметил: «В лепёшку, наверное, раздавило, — эка силища! Тут, братцы, и железо не выдержит».

— А он выдержит, — сердито отвечал Милованов. — Выдержит. Я знаю... Давайте быстрее раскапывать!

Землю раскидывали быстро, в несколько рук. Комбат присылал посыльного узнавать через каждые десять минут, и тот уносил грустный ответ: «Пока нет».

Его нашли на дне окопа без чувств. Он сидел скорчившись, засыпанный землёй. Милованов бережно поднял его и стал тормошить. Бежали секунды, и вдруг Миклей вздрогнул и чуть приоткрыл рот, словно желая поймать струю воздуха. Потом он открыл глаза и хрипловатым голосом спросил: «Где я?»

Ему бегло рассказали, что́ произошло. Он взял руку Милованова в свою широкую ладонь и сказал:

— Спасибо, дружок, что отрыли. Только вот я вас задержал — сорок минут отнял, чорт возьми! Ведь нам здесь каждая секунда дорога: правый берег оседлали.

Не успели ребята отрыть Миклея, как началась новая контратака немцев. Это была девя-

тая по счёту. Опять задрожала земля от гула и взрывов. Немцы старались обстрелять, поразить огнём каждый квадратный метр земли, на которой залегли наши воины. И на что уж Захар Лискун, человек, о котором говорили, что он «может спать у пушки», и тот сказал: «Разбушевался немец. Хочет нас с землёй смешать. Что ж, посмотрим!»

Немцы до сих пор не могут опомниться: как это всё могло произойти? Их генералы утешительно говорили: «Русские обескровлены. Они осядут на том берегу. Русским не переплыть Днепра, у них даже лодок нет». Но русские ни часа не задержались на левом берегу. У русских нашлись не только лодки, но и великолепные понтоны, быстроходные катеры. Невиданно быстро через Днепр перекинуты мосты. Все это ошеломило неприятеля, который теперь хотел взять реванш, злился и пускал на наши боевые порядки танки и самоходные пушки. Но из его замысла ничего не получалось. В девятый раз неприятель пытался сбросить, опрокинуть в Днепр батальон капитана Гринченко. Чего только он для этого не предпринимал! Прилетали сюда «Юнкерсы» по 30—40 штук, сбрасывали тяжёлые бомбы. Дымилась, взлетала комьями к небу земля, а люди держались и не помышляли уходить. Девятая атака противника отличалась особенной ожесточенностью.

Шло тридцать грозных машин, взрывая землю гусеницами. И навстречу им выпрыгивали из око-

пов люди, молодые, ловкие, гибкие. Немцы недоумевали: почему это русские бегут не от танков, а к танкам?

Капитан Гринченко был дважды ранен. Он потерял много крови.

В самую критическую минуту он поднялся на пригорок и бросил клич:

— Сзади нас Днепр. Вы слышите, как пенятся его волны? Немец хочет утопить нас. Вперёд же, друзья, ни шагу с правого берега!

Это стало девизом всех, кто дрался на правом берегу могучей реки, кто шаг за шагом расширял там плацдармы для широкого и повсеместного нашего наступления.

Правый берег! Эти слова произносились на фронте почтительно. Правый берег стал синонимом храбрости и бесстрашия. О людях, которые сражались на правом берегу Днепра, будут написаны волнующие книги.

•

Чем дальше вьётся дорога нашего наступления, тем больше трофеев. Стоят обозы, груженные хлебом, но без лошадей. На лошадях удрали повозочные. Запряженная волами фура с боеприпасами свернула с дороги, ящики вывалились и лежат в грязи. Добрые украинские волы флегматично пожёвывают сухие стебли кукурузы. Еще дальше мы видим застрявший в грязи штабной автомобиль с лежащей на сиденье офицерской шинелью.

Вот первое занятое нашими бойцами село за Днепром. Села-то, собственно, нет. Оно выжжено дотла уже давно, когда немцы воевали с приднепровскими женщинами и детьми. Но на одном огороде вьётся дымок. Из накрытого дерюгой, полуобвалившегося окопа выглядывает бородатый колхозник. Это первый житель села Ефим Тимофеевич Кондратенко с семейством: жинкой и тремя босоногими детьми.

— Как вы сюда попали?

— А мы с войсками на плотике.

— Так что же вы в окопе?

— От самолётов да от снарядов ховаемся.

— Почему ж не подождали?

— Ждать нияк не можно: треба хозяйство справлять.

Линия фронта уходит дальше на запад. Войска вступают в следующее село. Над головами голубое небо, в стороне высокие, по-осеннему голые тополи, утопающие в садах голубые мазанки, уже увядшие бахчи. Слышен мягкий украинский говор. Только непрерывный рокот самолётов да гул артиллерии напоминают, что фронт близок.

У тына стоит девочка лет семи-восьми. Все любуются её смуглым лицом и большими карими глазами.

— Как тебя зовут, девочка?

— Галька, — только движением губ отвечает она.

— А батька где, в армии?

— Нет, они обедают, а потом пойдут в армию.

Вдруг она метнулась так, что из-под длинной цветастой юбки засверкали тоненькие ножки. Скрылась в избе. И вот она уже несёт остановившимся бойцам полный совок семечек. Угощая бойцов, она молча и лукаво смотрит на красноармейцев.

— А батька уже ушёл, — говорит Галька, — поцеловал и пошёл немцев бить.

Цена 35 коп.